

Печенкина Полина Евгеньевна, Васильева Светлана Леонидовна

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИРОНИЯ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена рассмотрению способов передачи политической иронии как феномена французского политического медиа-дискурса при переводе на русский язык. Рассматриваются трудности перевода иронии как многопланового явления, создаваемого на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях, а также лексические и грамматические трансформации, к которым прибегает переводчик для адекватной передачи иронии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 157-161. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

THE MODEL WITH MINIMUM PARATACTIC AND HYPOTACTIC COMPLEXES IN THE ENGLISH POETIC TEXTS

Parnikova Tat'yana Valer'evna, Ph. D. in Philology
Belgorod State Agricultural Academy named after V. Gorin
t-parnikova@mail.ru

The article discloses the syntactic and informational potential of the most frequent model of the polypredicative sentence with parataxis and hypotaxis in poetic texts, particularly the construction consisting of the minimum paratactic complex and minimum hypotactic complex of closed type. The structural simplicity and content of this model favor the optimal expression of complex thoughts and feelings in the poetic works of different forms.

Key words and phrases: polypredicative sentence with parataxis and hypotaxis; rhematic line; theme; copulative connection; adversative connection; disjunctive connection.

УДК 81'33

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению способов передачи политической иронии как феномена французского политического медиа-дискурса при переводе на русский язык. Рассматриваются трудности перевода иронии как многопланового явления, создаваемого на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях, а также лексические и грамматические трансформации, к которым прибегает переводчик для адекватной передачи иронии.

Ключевые слова и фразы: ирония; политическая ирония; политический медиа-дискурс; манипулятивность; языковые средства; тропы; перевод иронии; лексические и грамматические трансформации.

Печенкина Полина Евгеньевна

Васильева Светлана Леонидовна, к. филол. н.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
vasilyeva_sl@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИРОНИЯ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА[©]

Понятие дискурса тесно связано с понятием социальных отношений, которые являются дискурсивными по своей сути, а дискурс в различных институциональных формах обслуживает разные социальные сферы, преобразует современную действительность, делая ее более упорядоченной и, в некотором смысле, предсказуемой [16]. Немаловажную роль в создании дискурсивной реальности играет дискурс СМИ, который, как отмечают многие исследователи, становится все менее объективным и все более манипулятивным. В первую очередь, это касается политического медиа-дискурса, освещающего сферу политических отношений, выполняющего посредническую функцию и являющегося практически единственным каналом общения между политиками и населением [8]. Данная форма институционального общения фактически реализует функции политического дискурса средствами медиа-дискурса, вследствие чего ее называют «символической политикой», т.е. неявной политикой, которая не должна быть очевидной для общественности [15, p. 5].

В связи с этим, в рамках политического медиа-дискурса, большое значение приобретает способ передачи информации, ее языковая подача. Авторы зачастую прибегают к таким приемам, которые позволяют им создать скрытый контекст. Конструируемая таким образом смысловая многоплановость тестов СМИ делает их сложными, в том числе, и для перевода на другие языки, поскольку переводчику необходимо не только усмотреть эксплицитные и имплицитные смыслы высказываний, но и суметь передать их на другой язык.

Цель данной статьи заключается в выявлении способов передачи иронии как одного из средств создания содержательной двуплановости текста при переводе информационно-аналитических статей французских СМИ на политические темы на русский язык. Объектом исследования, таким образом, становится не просто ирония как языковая категория, а политическая ирония, которая выступает в качестве средства воздействия и поэтому приобретает особое значение в текстах политического дискурса. Предмет исследования составляют способы перевода французской политической иронии на русский язык. Материалом исследования послужили информационно-аналитические статьи французского политического медиа-дискурса, опубликованные в журналах «Le Monde», «Le Figaro», «Atlantico», «Libération», «La Tribune», «L'Humanité» и их русские переводы, представленные на сайте *inosmi.ru*.

Информационно-аналитические статьи во французском политическом медиа-дискурсе относятся к информативно-аффективным и оценочным жанрам, направленным на установление в сознании адресата определенной системы ценностей и суждений. При этом следует отметить, что каждое издание, публикующее подобные статьи на французском языке, является политически ангажированным и всегда выражает точку зрения

определенной группы, партии и т.п. Соответственно, каждое издание формирует свою политическую реальность посредством медиа-текстов. Общим свойством всех информационно-аналитических статей на французском языке является обязательная критика оппонента, которая может быть как открытая, проявляющаяся в намеренном использовании авторами разговорной и пейоративной лексики, призванной понизить в глазах адресата значимость той или иной политической фигуры и ее действий, так и скрытая, связанная с употреблением тропов и стилистических средств, выражающих оценочность не явно, а опосредованно. Одно из центральных мест в системе таких средств скрытого выражения оценки во французском политическом медиа-дискурсе занимает ирония.

Ирония определяется лингвистами как употребление слова и целого отрезка текста в смысле, противоположном буквальному [1; 11; 13]. В философском понимании ирония – это противопоставление реального – идеальному [13], действительного – возможному [6]. В настоящее время актуальным становится рассмотрение иронии на стыке философии и лингвистики, не только как стилистической фигуры, но и как «способа мышления, незаметно возникшего как общая тенденция нашего времени» [17]. При этом можно отметить и усложнение самой техники создания иронии. Ирония всегда читается между строк, может быть разлита по всему тексту, даже достаточно большому. Отсюда можно говорить и об определенных сложностях, с которыми сталкивается переводчик при передаче иронии и, особенно, политической иронии, которая является, в первую очередь, именно мировоззренческой категорией, и только потом – лингвистической.

Для переводчика ирония вообще и политическая ирония, в частности, может представлять проблему в силу ряда причин. Во-первых, ирония может остаться незамеченной для переводчика в том случае, если он не обладает необходимой эрудицией и фоновыми знаниями для того, чтобы реконструировать смысл, заложенный автором. Во-вторых, ирония, как и юмор вообще, не является универсальной категорией, и не всегда может быть перенесена из одной культуры в другую и адекватно воспринята представителями другой культуры. Наконец, в-третьих, в различных языках могут использоваться разные механизмы создания иронии, не всегда воспроизводимые средствами другого языка.

Традиционно, основными способами передачи иронии считаются следующие: полный перевод с незначительными лексическими или грамматическими преобразованиями в тех случаях, когда это позволяют средства и реалии языка перевода, расширение исходного иронического оборота, когда смысл иронического словоупотребления неочевиден для иноязычной культурной среды, антонимический перевод, добавление смысловых компонентов и культурно-ситуативная замена, переводческий комментарий [4]. Тем не менее, некоторые авторы указывают на необходимость «индивидуального подхода» к переводу иронии в каждом отдельном случае [7].

Наше исследование иронии во французском политическом медиа-дискурсе показало, что ироничность является его характерной чертой и может выражаться на всех языковых уровнях, включая уровень текста и гипертекста. Это говорит о том, что единица перевода в каждом конкретном случае может варьироваться от звука до текста и даже выходить за его пределы, на что также указывает А. М. Маточкина [Там же]. Именно поэтому способы перевода иронии мы также будем рассматривать, исходя из уровневой принадлежности средств создания иронии во французском политическом дискурсе.

В силу того, что материалом исследования послужили письменные тексты, а каких-либо особенностей звукового оформления высказываний с целью достижения комического эффекта нами выявлено не было, обратимся к морфологическому уровню языка.

Следует отметить, что морфологически русский и французский языки существенно различаются. Различия эти касаются как наличия и отсутствия грамматических категорий (например, категория определенности / неопределенности во французском языке), представленности грамматических категорий (ср. категорию времени в русском и французском языках) и т.п. (подробнее см. В. Г. Гак [2]). Отсюда затруднения для переводчика может представлять и передача иронии, выраженной морфологически. Выше уже говорилось о существующей во французском политическом медиа-дискурсе тенденции к фамильярности по отношению к политическим лидерам. Так, основным средством создания иронии на морфологическом уровне является использование определенного артикля с личными именами, как например, *le Vlad* [20]. Сокращение имени в сочетании с артиклем придает обращению пейоративный оттенок. В русском языке, как известно, категория определенности отсутствует. Кроме того, в русскоязычной прессе отсутствует практика выражения фамильярно-уничижительного отношения к высокопоставленным лицам, вследствие чего, а также учитывая специфику адресата, переводчик прибегает к нейтрализации иронии – *Владимир Владимирович* [3], – жертвуя, таким образом, эквивалентностью перевода в пользу адекватности.

Лексические средства создания иронии во французском языке весьма многообразны. Так, ирония может передаваться метафорой, метонимией, олицетворениями, гиперболой, отзвуком, окказионализмом, трансформированными фразеологическими выражениями и т.п. Рассмотрим все эти случаи и проанализируем переводческие решения, использованные для передачи иронии на русский язык.

Метафора как средство выражения иронии предполагает принятие переводчиком индивидуальных решений в зависимости от каждого конкретного случая. Так, в отдельных ситуациях возможен буквальный перевод, в других – переводчику приходится прибегать к разного рода лексическим трансформациям, в результате которых ему не всегда удается сохранить не только метафору, но и выражаемую ею иронию в языке перевода.

Пример 1: «Et qui défilent au pas de l'oe farcie ... Farcie la p'tite tête, pleine d'idées genres...» [20]. / «Они маршируют шагом фаршированного гуся, напичканного целым ворохом идей...» [3].

Пример 2: «Bien sûr, on a récemment goûté à l'inénarrable plaisir d'écouter Vincent Peillon, le ministre de la Rééducation mentale des petits Français» [14]. / «Разумеется, недавно нам выпало невыразимое удовольствие выслушать министра образования Венсана Пейона (Vincent Peillon)» [5].

Так *пример 1* демонстрирует возможность использования переводчиком приема буквального перевода, обусловленного тем, что в основе метафоры в обоих случаях лежат общеизвестные образы и реалии. В *примере 2* имеет место прием лексической трансформации – смыслового развития, использование которого, однако, приводит к лакуне, поскольку метафора, в которой автором оригинала заложен ироничный смысл – «le ministre de la Rééducation mentale des petits Français» (досл. министр умственного перевоспитания маленьких французов), полностью нейтрализуется, превращаясь в простое указание на должность министра образования.

Другим часто встречающимся во французском политическом медиа-дискурсе приемом выражения иронии является *отзвук*, особенность которого заключается в частичном цитировании автором других, при этом цитата обозначает именно то, что имелось в виду, но, вставленная в новый контекст, приобретает новый смысл. Во всех проанализированных случаях переводчик сохранял отзвук и, тем самым, успешно передавал иронию в языке перевода. Трансформации были связаны с приспособлением к нормам языка перевода. Лишь в отдельных случаях наблюдалось смещение границ отзвука, вызванное стремлением переводчика подчеркнуть ироничность высказываемого.

Пример 3: «Les médias s'en faisaient largement l'écho, même si les médias étrangers feignirent, eux, de croire toujours au miracle des années Eltsine», le grand démocrate» [18]. / «Местные СМИ активно обсуждали эти проблемы – при том, что иностранная пресса упорно продолжала делать вид, что верит в чудо президентских лет Бориса Ельцина, этого великого демократа» [10].

Отзвук, в данном случае, указывает на общие тенденции освещения периода правления Б. Ельцина в западных СМИ. В переводе используется прием конкретизации, при котором «des années Eltsine» конкретизируются до «президентских лет Бориса Ельцина», что обусловлено различием норм сочетаемости в двух языках. Кроме того, в русском варианте наблюдается смещение кавычек к слову «чудо», что сужает границы отзвука и фокусирует внимание читателя именно на контрасте между эксплицитным и имплицитным значениями. Далее используется прием грамматической трансформации – замены определенного артикля «le» в «le grand démocrate» указательным местоимением в русском языке – «этого великого демократа», в соответствии с морфологическими различиями двух языков.

Перевод *иронии* как тропа, использующегося для передачи ироничного отношения автора к действительности, как показывают наблюдения, представляет серьезную трудность для переводчика, так как в большинстве случаев не находит отражения в языке перевода.

Пример 4: «C'est même là, paradoxalement, ce qui réunit aujourd'hui, depuis la fin de la guerre froide et de son bien mal nommé équilibre de la terreur, ces deux superpuissances» [19]. / «Как ни парадоксально, но именно это сегодня объединяет две бывших сверхдержавы времен холодной войны с ее равновесием страха» [12].

Пример 5: «Jean-Luc Mélenchon, le jovial et sympathique faire-valoir de Marxine Le Pen et toujours aussi tendrement paléo-communiste» [14]. / «Всегда радостный и приветливый палеокоммунист Жан-Люк Меланшон» [5]. Очевидно, что оба приведенных примера являются свидетельством переводческой неудачи в плане передачи иронии в языке перевода. Так, в первом случае, ирония автора относительно определения гонки вооружений как «bien mal nommé» (досл. благо с плохим названием или неверно названное благо), полностью опускается переводчиком. Во втором случае (*пример 4*), ирония строится на обыгрывании факта вражды между кандидатом коммунистической партии Франции и его оппонентом, принадлежащим Национальному фронту, Марин Ле Пен, путем использования определений (le jovial et sympathique faire-valoir de Marxine Le Pen) с очевидным для французского, но не для русского, читателя противоположным эксплицитному значением [9]. В переводе имплицитный ироничный смысл оказывается непереданным.

Еще одним лексическим средством выражения иронии, которым авторы пользуются в текстах французского политического медиа-дискурса, являются устойчивые выражения, а именно: *клише и фразеологические единицы*, которые часто подвергаются авторскому переосмыслению. Как известно, фразеологические единицы и устойчивые выражения не поддаются буквальному переводу, поэтому переводчик прибегает к разным способам перевода от полного игнорирования и опущения устойчивого выражения до его конкретизации.

Пример 6: «Dieu ait son âme» [14]. / Досл. Царство ему небесное (перевод отсутствует).

Отсутствие перевода данного элемента приводит к лакуне на всех уровнях эквивалентности – иронический эффект, который в оригинале реализуется за счет неконвенционального использования библейского клише в отношении абстрактного понятия [9] – принципа светскости государства, ничем не компенсировался в последующем переводе соответствующей статьи.

Пример 7: «Heureusement, régulièrement, quelques élites lumineuses viennent éclairer nos lanternes sur la question» [14]. / «По счастью, просвещенные элиты регулярно пытаются развеять мрак нашего невежества в этом вопросе» [5].

В данном случае для передачи устойчивого выражения переводчик находит сходное соответствие в русском языке, пользуясь при этом приемом смыслового развития, что дает возможность ему сохранить иронию в языке перевода.

Парафраза, как средство выражения авторской иронии, как правило, полностью передается переводчиком с применением грамматических и/или лексических трансформаций, связанных с необходимостью подчинения правилам языка перевода или с различиями в картинах мира двух языков.

Пример 8: «...un petit blond à mâchoire carrée et à l'œil qui fait tourner la mayo» [20]. / «...невысокий блондин с квадратной челюстью и взглядом, от которого кисло молоко» [3].

Так, в данном случае парафраза передается практически дословно, за исключением завершающего ее выражения: «l'œil qui fait tourner la mayo» / «взглядом, от которого кисло молоко». Очевидно, что в данном

случае переводчик, во-первых, прибегает к грамматическим трансформациям, преобразуя придаточное с относительным местоимением *qui* в качестве подлежащего, сочетающегося с глаголом в активном залоге во французском языке, в придаточное определительное с относительным местоимением «который», выступающим в функции дополнения в русском языке, что меняет структуру придаточного и по-иному расставляет акценты. Во-вторых, переводчик использует прием лексико-семантической замены: *la mayo* (досл. Майонез) – *молоко*, что обусловлено несоответствием в устойчивых выражениях, которые оказались частью парафразы двух языков. Таким образом, переводчику удается достичь эквивалентности перевода.

Синтаксические средства выражения иронии в текстах французского политического медиа-дискурса, в основном, сводятся к использованию риторических вопросов, которые адекватно, с необходимыми грамматическими трансформациями, переводятся на русский язык.

Пример 9: «Les seuls qui roulaient ? Les jeunes pops de l'UMP ?» [20]. / «И кто бы мог ими стать? Молодые популисты из Союза за народное движение?» [3].

Как можно отметить, в переводе риторический вопрос сохраняется. При этом, переводчик прибегает к членению предложения, тем самым, с одной стороны, используя более характерные для русского языка синтаксические конструкции и, с другой стороны, выдвигая на передний план ироничный смысл, заложенный автором во французском варианте.

В целом, наш анализ показал, что в 90% случаев переводчику удается успешно передать политическую иронию на русский язык, что позволяет говорить об адекватности перевода политической иронии и достижению эквивалентности на прагматическом уровне, так как ирония, прежде всего, является мощным инструментом воздействия. При этом, в силу того, что ирония во французском языке строится преимущественно за счет лексических средств языка, основными способами передачи иронии при переводе оказываются именно лексические трансформации, такие, как целостное преобразование, конкретизация, смысловое развитие. К грамматическим трансформациям переводчик прибегает с целью адекватного структурирования высказываний в соответствии с нормами языка перевода. В 10% случаев политическая ирония оказывается переданной в языке перевода. Данные случаи касаются, во-первых, политической иронии с пейоративной коннотацией, обращенной на политических лидеров. В силу того, что в русском языке не приняты подобно-го роды высказывания в адрес действующих глав государств, такая ирония нейтрализуется в 99% случаев. Во-вторых, переводчиком зачастую опускается ирония, содержащая культурно-значимую информацию, что приводит к функционально-семантическим лакунам в языке перевода.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 606 с.
2. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Либроком, 2013. 288 с.
3. Зетер Ж. Путин и «Наши» – история любви [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/russia/20120924/199726480.html> (дата обращения: 22.04.13).
4. Казакова Т. А. Практические аспекты перевода. СПб.: Союз, 2001. 260 с.
5. Когда светское государство становится оружием в руках коммунистов [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/world/20130508/208797312.html> (дата обращения: 24.04.2013).
6. Кьеркегор С. О понятии иронии // Логос. 1993. № 4. С. 176-198.
7. Маточкина А. М. Ирония как единица перевода [Электронный ресурс]. URL: <http://info.krippotavrida.pp.ua/fl/fl2010/t2/Matochkina.pdf> (дата обращения: 20.01.13).
8. Никитина К. В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами. 2006. № 2. С. 1-7.
9. Печенкина П. Е., Васильева С. Л. Языковые средства реализации иронии в политическом медиа-дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4. Ч. 1. С. 171-174.
10. Плювинаж Д. Россия преворачивает страницу [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/russia/20121107/201894874.html> (дата обращения: 15.11.13).
11. Скороходова Е. Ю. Ирония в современном медийном тексте [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/26_NII_2011/Philologia/7_92393.doc.htm (дата обращения: 11.11.13).
12. Шиффер Д. С. Джулиан Ассанж и Pussy Riot – жертвы посягательств на свободу слова [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/world/20120822/197020266.html> (дата обращения: 27.05.13).
13. Bergson H. Le rire. Essai sur la signification du comique. Chicoutimi, 2002. 87 p.
14. Dieu ait son âme... Quand cette pauvre laïcité sert à son corps défendant à lutter contre l'enseignement de l'esprit d'entreprise à l'école [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/dieu-ait-ame-quand-cette-pauvre-laicite-sert-corps-defendant-lutter-contre-enseignement-esprit-entreprise-ecole-h16-717008.html?page=0,0> (дата обращения: 15.11.13).
15. Lauerbach G. E., Fetzer A. Political Discourse in the Media: Cross-Cultural Perspectives // Political Discourse in the Media: Cross-Cultural Perspectives. Amsterdam – Philadelphia, 2007. P. 3-30.
16. Machin D. News Discourse I: Understanding the Social Goings-on Behind News Texts // Language and Power: An Introduction to Institutional Discourse. Cornwall, 2008. P. 62-90.
17. Muecke D. C. Irony and the Ironic. N. Y., 1982. 110 p.
18. Pluvenage D. La Russie tourne une page [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agoravox.fr/actualites/international/article/la-russie-tourne-une-page-125332> (дата обращения: 15.11.13).
19. Schiffer D. S. Russie. Le procès des Pussy Riot, symbole de nos démocraties malades [Электронный ресурс]. URL: <http://leplus.nouvelobs.com/contribution/610779-le-proces-des-pussy-riot-en-russie-symbole-de-nos-democraties-malades.html> (дата обращения: 27.05.13).
20. Zeter G. Poutine et ses «Nachi» + qu'une Histoire d'Amour [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agoravox.fr/tribune-libre/article/poutine-et-ses-nachi-qu-une-123087> (дата обращения: 22.04.13).

POLITICAL IRONY IN THE ASPECT OF TRANSLATION

Pechenkina Polina Evgen'evna
Vasil'eva Svetlana Leonidovna, Ph. D. in Philology
National Research Tomsk Polytechnic University
vasilyeva_sl@mail.ru

The article discusses the methods of political irony translation, which is the central phenomenon of the French political media-discourse, into the Russian language. Irony translation difficulties are considered as a multifaceted phenomenon created at the morphological, lexical and syntactic levels, as well as grammatical and lexical transformations, which an interpreter uses to reach adequacy in the target language.

Key words and phrases: irony; political irony; political media-discourse; manipulative character; linguistic means; figures of speech; translation of irony; lexical and grammatical transformations.

УДК 8; 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается роман Т. Уайлдера «Теофил Норт» как «претекст», оказавший существенное значение в формировании авторской концепции «Приключений майора Звягина» М. Веллера в аспекте создания нового типа героя. Внимание уделяется не только преемственности «культурной памяти» М. Веллера, но и актуализации авторами ряда ценностей, выступающих в качестве основы духовно-практической стратегии героев, таких как: активное вмешательство в общий ход жизни, необходимость переустройства ее на началах справедливости и добра, гармонизация окружающей действительности.

Ключевые слова и фразы: современная массовая (миддл-) литература; американская литература XX в.; современная отечественная литература; тип героя; проблема деятельного добра; Т. Уайлдер; М. Веллер.

Полупанова Анна Владимировна, к. филол. н.
Башкирский государственный университет
avropolupanova@mail.ru

**КОНЦЕПЦИЯ АКТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ
В МАССОВОЙ (МИДДЛ-) ЛИТЕРАТУРЕ XX В. («ТЕОФИЛ НОРТ» ТОРНТОНА УАЙЛДЕРА –
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЙОРА ЗВЯГИНА» МИХАИЛА ВЕЛЛЕРА) ©**

«За всякими литературными экспериментами и формалистическими новациями XX век начал постепенно забывать о главной задаче романиста: он должен в первую очередь просто-напросто рассказывать истории, повествовать о приключениях и роковой любви, придумывать благородных героев <...>» [3, с. 61], – с неизменной иронией и, как всегда, предельно афористично пишет Фредерик Бегбедер в своей «последней описи» лучших книг минувшего XX столетия. Нельзя не заметить, что с этой главной, по Ф. Бегбедеру, задачей литературы вполне справляются разные виды и формы беллетристики и массовой культуры, оттеснившие сегодня иные виды словесности, возрождая «забытый» элитарной культурой интерес к фабульной стороне произведения, истории, интриге и собственно герою.

Михаил Веллер (род. в 1948 г.), дебютировавший в печати в 1983 г. как новеллист, мастер короткой прозы, получил широкую известность в 1990-2000-е гг. благодаря своим бестселлерам «Приключения майора Звягина», «Легенды Невского проспекта», «Гонец из Пизы», «Самовар», суммарный тираж которых превысил несколько миллионов экземпляров, а также как автор философских трактатов «Все о жизни», «Кассандра», автобиографического романа «Мое дело», многочисленных эссе и статей о литературе. На наш взгляд, «Приключения майора Звягина» (1991) органично вписываются в тот срез литературы, который можно обозначить как «миддл-литература». Это тип словесности, «стратификационно располагающийся между высокой, элитарной, и массовой, развлекательной литературами, порожденный их динамичным взаимодействием и по сути снимающий извечную оппозицию между ними» [9, с. 312]. Истоки сегодняшней «миддл-», «серединой» литературы, облегченной «серьезности» («серьезность light», по выражению Михаила Ратгауза) – в «молодежной прозе» 1960-х гг., В. Аксенова и А. Гладилина прежде всего, а из ныне работающих авторов к ней с разными основаниями можно отнести, кроме Михаила Веллера, Людмилу Улицкую, Дину Рубину, Дмитрия Быкова, Захара Прилепина, Дмитрия Липскерова, Виктора Пелевина, Бориса Акунина, Евгения Гришковца. В зарубежной традиции этот тип литературной подсистемы представлен именами Т. Уайлдера, А. Мердок, Дж. Фаулза, У. Эко, М. Павича, Дж. Барнса, П. Зюскинда, П. Акройда, М. Уэльбека, А. Перес-Реверте, Х. Мураками, П. Коэльо.